

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2013
XXII**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
864
EXPRESS-ISSUE

2013 № 864

СОДЕРЖАНИЕ

- 861-867 О русских названиях птиц России.
Е.А.КОБЛИК, Ю.С.ФРИДМАН
- 867-870 Заметка о белуджистанском вороне *Corvus corax laurencei* (Hume, 1873). Р.Н.МЕКЛЕНБУРЦЕВ
- 870-871 О вóронах Казахстана.
М.Н.КОРЕЛОВ
- 871-873 Новые данные об охотском улите *Tringa guttifer* на северо-востоке Сахалина.
А.Ю.БЛОХИН, А.И.КОКОРИН
- 873-875 Суточный расход времени у лебедя-шипуна *Cygnus olor* в период насиживания.
Т.А.ИЛЬИНА, А.В.БАРДИН
- 875-876 Весенние миграции чижа *Spinus spinus* в юго-восточном Приладожье.
Н.П.ИОВЧЕНКО, Г.А.НОСКОВ
- 877-879 К характеристике двух циклов размножения белобровика *Turdus iliacus* в южной Карелии.
Т.Ю.ХОХЛОВА, Л.С.ЗАХАРОВА
- 879-880 Две цветовые морфы пухового наряда в одном выводке птенцов обыкновенной горлицы *Streptopelia turtur*.
А.П.ШАПОВАЛ
- 880-881 Гнездование огаря *Tadorna ferruginea* и большого крохали *Mergus merganser* на Уйденинском водохранилище (хребет Саур).
Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ
-

CONTENTS

- 861-867 On russian names for the birds of Russia.
E. A. KOBLIK, Yu. S. FRIDMAN
- 867-870 Note on the Baluchistan raven *Corvus corax laurencei*
(Hume, 1873). R. N. MEKLENBURTSEV
- 870-871 About ravens of Kazakhstan.
M. N. KORELOV
- 871-873 New data on the Nordmann's greenshank
Tringa guttifer on North-eastern Sakhalin.
A. Yu. BLOKHIN, A. I. KOKORIN
- 873-875 Time budget of the mute swan *Cygnus olor*
during incubation period.
T. A. ILYINA, A. V. BARDIN
- 875-876 Spring migration of the siskin *Spinus spinus*
on the southeast shore of Lake Ladoga.
N. P. IOVCHENKO, G. A. NOSKOV
- 877-879 Characteristics of two breeding cycles
of the redwing *Turdus iliacus* in southern Karelia.
T. Yu. KHOKHLOVA, L. S. ZAKHAROVA
- 879-880 Two colour morphs of downy plumage within
one brood of common turtle dove *Streptopelia turtur*.
A. P. SHAPOVAL
- 880-881 Nesting of the ruddy shelduck *Tadorna ferruginea*
and the goosander *Mergus merganser* on Uydeninskoe
Reservoir (Saur ridge). N. N. BEREZOVNIKOV
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

О русских названиях птиц России

Е.А.Коблик, Ю.С.Фридман

Евгений Александрович Коблик, Юрий Семёнович Фридман. Зоологический музей МГУ, ул. Большая Никитская, д. 6, Москва, 125009, Россия. E-mail: koblik@zmmu.msu.ru

Второе издание. Первая публикация в 2006*

В нашей предыдущей статье (Фридман, Коблик 2013) были приведены наиболее интересные и оригинальные названия птиц России в дословном переводе с шести европейских языков: английского, немецкого, французского, финского, венгерского и польского, — и сформулированы основные особенности орнитонимов на этих языках. В данной работе мы даём подобный анализ русских орнитонимов.

Каковы же особенности русских названий птиц?

Прежде всего, отечественные орнитонимы отражают богатство и выразительность русского языка. В качестве наглядного примера можно привести русские названия сов. В большинстве европейских языков всех сов обозначают одним-двумя собственными именами, например owl, owlet (англ.), uhu, eule, kauz (нем.), pöllö (финск.) и др.), а разграничение видов осуществляется с помощью видовых определений. В русском же языке собственных имён сов гораздо больше и они значительно более ёмкие и выразительные. Это «сова», «совка», «филин», «сплюшка», «неясыть», «сыч», «сычик», «сипуха». Такие отечественные орнитонимы, как выпь, кряква, пискулька, клоктун, стервятник, рябчик, плавунчик, сплюшка, сизоворонка и др. по своей выразительности и меткости характеристик, на наш взгляд, превосходят названия этих птиц на большинстве европейских языков. Среди русских названий немало самобытных, составленных с изрядной долей народного юмора: ополовник, гренадерка, князёк, дикуша, дутыш, лопатень, топорок, каменка-плясунья, камышевка-барсучок и др.

Мы проанализировали русские названия и видовые определения птиц гнездовой фауны России, распределив их по нескольким общим признакам. Это: 1) признаки внешнего облика, включая размерные показатели (большой улит, погоныш-крошка), окраску (лазоревка, чернозобик), морфологические особенности (лопатень, ходулочник), сходство с другими птицами (кулик-сорока, морской голубок); 2) признаки связанные с вокализацией, включая собственно характеристики голоса (кряква, кукушка), оценку певческих данных (певчий дрозд, певчий сверчок), восприятие вокализации человеком (хохотунья, зави-

* Коблик Е.А., Фридман Ю.С. 2007. О русских названиях птиц России // *Мир птиц. Информ. бюл. Союза охраны птиц России* 35: 38-41.

рушка); 3) поведенческие признаки, включая характерные черты образа жизни (камнешарка, плавунчик), особенности рациона (змееяд, мухоловка), времени и сезона активности (зарянка, снегирь, пеночка-весничка); 4) зональная и ландшафтная приуроченность (тундряной лебедь, морская чайка), предпочитаемые местообитания (песочник, камышевка); 5) география распространения по отношению к регионам (сибирская горихвостка, кавказский улар, тихоокеанская чайка), странам (японская зарянка, индийская камышевка) или же сторонам света (южный соловей, восточная тиркушка, северная бормотушка)

В видовых определениях птиц нами дополнительно учитывались также прочие признаки (реликтовая чайка), «именные» названия, данные в честь первооткрывателей (овсянка Годлевского, бэров нырок).

Естественно, следует помнить, что речь идёт о признаках в значительной степени формализованных, что названия далеко не всегда верно отражают действительный облик, распространение, биологические особенности птиц.

Среди русских орнитонимов имеется большая группа названий, не подпадающих под вышеперечисленные признаки. Это – так называемые названия-символы, из-за давности происхождения полностью или частично утратившие своё первоначальное смысловое значение (например, ласточка, дрозд, орёл, журавль). Эти орнитонимы выделены в особую группу.

Русские названия видов птиц гнездовой фауны России приняты по последней сводке Л.С.Степаняна (2003) с учётом ряда изменений.

В русском языке индивидуальные однокомпонентные названия имеют 145 из 640 видов птиц, или 22.7% от их общего числа. Такого многообразия индивидуальных названий птиц Северной Евразии нет ни на одном из европейских языков, за исключением польского (для сравнения: в английском языке эта доля составляет 12.8%). Большинство индивидуальных названий возникло в глубокой древности как следствие знакомства (а чаще – утилитарного интереса) людей с птицами. Как и в большинстве языков, доля индивидуальных названий неворобьиных птиц на русском языке оказалась втрое больше, чем воробьиных. Естественно, как и другие народы, русские меньше внимания обращали на мелких птиц, смешивая их виды друг с другом.

Многокомпонентные (в основном двухкомпонентные) русские названия имеет большинство наших птиц (495 видов, или 77.3%). Эти названия состоят из группового наименования, выраженного существительным и представляющего суть орнитонима, и одного-двух видовых определений. Групповые наименования обычно имеют народное происхождение и многие из них некогда были индивидуальными однокомпонентными названиями, в то время как видовые определения представляют собой результат более позднего словотворчества учёных.

Скажем, продвижение границ России в Сибирь привело к тому, что был открыт другой вид глухаря, кроме давно известного на Руси. Тут же возникла необходимость в прилагательном, позволяющем разделить эти два вида – просто глухарь и глухарь «каменный». Во имя упорядочения системы названий многие самобытные индивидуальные имена отошли ныне в синонимы, диалектные названия, уступив место новоизобретённым книжным названиям, где существительное увязано с принятым в систематике родом, а определение – с видом.

Особенностью русских многокомпонентных названий птиц является многообразие групповых наименований, заметно повышающая их информативность. На 495 видов птиц, имеющих многокомпонентные названия, приходится 143 групповых наименования (т.е. одно на 3.5 вида)! Такого соотношения нет ни в одном европейском языке (например, у англичан одно название приходится на 5.4 вида).

Приведём несколько примеров. На немецком языке 27 видов уток Северной Евразии имеют общее родовое имя *Ente*, тогда как на русском языке эти же утки имеют 9 групповых (кряква, чирок, свиязь, гага, нырок, чернеть, турпан, синьга, гоголь) и 10 индивидуальных наименований (клоктун, касатка, серая утка, шилохвость, широконоска, мандаринка, каменушка, морянка, луток, савка). Все обитающие в России и Европе виды птиц семейства славковых по-английски называются одинаково – *warbler*, тогда как в русском языке они имеют 7 групповых наименований (славка, пеночка, камышевка, сверчок, пересмешка, бормотушка, пестрогрудка) и два индивидуальных (короткохвостка, широкохвостка). Финские названия хищных птиц, кроме орлов, сводятся к одному названию *haukka*, в то время, как среди русских названий пернатых хищников среднего и мелкого размера мы находим более десятка групповых наименований (не считая множества индивидуальных). Рекордсменом по числу видов, обозначаемых одним групповым наименованием на русском языке, являются овсянки. Так называется 22 вида птиц нашей фауны. В русских названиях почти нет одинаковых групповых наименований для птиц разных семейств. Таковы лишь наименования «куропатка» и «синица», каждое из которых обозначает представителей двух семейств. У англичан десятки видов с коническим клювом, относящиеся к 4 разным семействам, именуются *finch*, у финнов большинство мелких лесных птиц разных семейств называются *varpunen* (воробей).

Русский язык богат орнитонимами-символами, по этому показателю с ним может сравниться лишь венгерский язык. В этой работе мы не ставили своей задачей установить происхождение русских названий с неясной этимологией, поэтому воспользуемся здесь материалами отечественных исследователей этого вопроса (В.А.Булаховский, И.Г.Лебедев, М.А.Надель-Червинская).

Большинство названий-символов возникло на заре цивилизации. Некоторые из них перешли в русский и другие европейские языки из древнеиндоевропейского праязыка – гусь, орёл, ворона, воробей, сойка и др. Названия экзотических птиц, обитавших на окраинах расширявшейся Российской Империи: фламинго, пеликан, фазан, гриф, – были заимствованы из древнегреческого и латыни. Больше всего орнитонимов-символов досталось нам в наследство от древнеславянского языка, о чём свидетельствует почти полное совпадение русских и польских названий. Такие польские орнитонимы как *Czapla*, *Łabędź*, *Gagoł*, *Orzeł*, *Pustulka*, *Kobczyk*, *Kuropatwa*, *Łyska*, *Żuraw*, *Sowa*, *Zimorodek*, *Mucholowka*, *Drozd*, *Czyż*, *Checzotka*, *Sójka*, *Wrona* и др. имеют общие корни с русскими названиями и не требуют перевода.

Отечественным исследователям удалось расшифровать этимологию многих названий-символов, имеющих древнеславянское и древнерусское происхождение. Например, дятел происходит от праславянской основы *dьlbьtьlь* – долбящий; куропатка – от русских слов курь – курица и рьтакъ – птаха, т.е. летающая курица; пеночка – от древнеславянского *penъka* – звукоподражательное название теньковки, перенесённое и на другие виды пеночек; неясуть – от церковнославянского *неАсуть* – ненасытный, прожорливый; поганка – от перенесённого в современный язык древнерусского слова поганый – несъедобный; славка – от древнерусского слова, обозначающего «славить», т.е. честновать песней; завирушка – от древнерусского слова, обозначающего «врать, дразнить»; деряба – имеет общеславянский корень *dьr* – дерябный, т.е. шершавый, грубый, рябой; сойка – имеет общеславянский корень *soj* – синий (голубое зеркальце на крыле); стервятник – от общеславянской основы *stьrvь* – падаль; соловей – от праславянского *solviьjь* – соловый, желтовато-серый; ремез – от общеславянского корня *remes* – ремесло.

Отдельные названия имеют диалектное происхождение, в основном из северных говоров. Например, крохаль – от «крокать», т.е. кряхтеть, хрюкать; клуша – от «клукать», т.е. всхлипывать, плакать; турпан – от «тура», что означает тростниковые заросли.

Расширение границ России и вхождение в её состав других народов привело к заимствованиям из языков этих народов. Так появились названия с тюркскими корнями – баклан, беркут, казарка, каравайка, турухтан, сарыч, улар, кеклик и др.; финно-угорские названия – гагара, синьга, кукша, ираноязычное – балобан. Прямых (не связанных с греческим и латынью) заимствований названий птиц из европейских языков в русском языке мало. Это, прежде всего, названия некоторых куликов, традиции охоты на которых пришли в Россию с Запада: вальдшнеп, кроншнеп, гаршнеп, дупель (немецкие), бекас (французское). Название одной из крупных чаек – «бургомистр» – имеет гол-

ландское или старонемецкое происхождение, а название белого журавля – «стерх» - скорее всего, представляет собой трансформированное немецкое название аиста – «Storch».

Следует отметить, что многие названия, считающиеся в русском языке символами, на языке заимствования имеют конкретное смысловое содержание. Так, баклан в дословном переводе означает «дикий гусь», синьга – «чёрная утка», турухтан – «драчун», вальдшнеп – «лесной бекас», сарыч – «хищная птица».

Несмотря на отсутствие современного смыслового значения, во многих орнитонимах-символах, а также в народном фольклоре выражено отношение населения к тем или иным птицам – положительное в названиях ласточка, пеночка, пуночка, гаичка, варакушка, королёк, соловей, сокол, орёл и скорее отрицательное в названиях ворон, ворона, сорока, коршун, филин, не говоря уже о названиях «ястреб», «поганка», «глупыш».

Символы занимают первое место как в индивидуальных русских названиях (61 из 145, или 42% от общего числа) так и в групповых (77 из 143, или 53.8% от общего числа). Таким образом, названия-символы имеет половина видов птиц нашей гнездовой фауны (324 из 640)!

В индивидуальных названиях после символов на втором месте (25%) идут названия, отражающие внешний облик птиц: белошей, шилохвость, рябчик, белобровик, шилоклювка и др. На третьем месте (14.5%) названия, связанные с голосовыми данными: сплюшка, фифи, и др. Число индивидуальных названий, определяемых по другим признакам, незначительно.

В групповых наименованиях, дополненных видовыми определениями, на втором и третьем месте после символов идут названия, связанные с вокализацией (16.8%): канюк, чибис, улит, чекан, сверчок, чечевица и др. – и поведением птиц (15.4%): цапля, нырок, осоед, перепелятник, мухоловка, овсянка и др.

Видовые определения, как уже отмечалось, имеют более позднее происхождение и в большинстве своём представляют собой результат словотворчества учёных в целях разграничения родственных видов и упорядочения номенклатуры. Большая часть видовых определений выражена прилагательными, располагаемыми перед групповыми наименованиями. Однако в более чем 30 названиях они представлены в виде второго существительного: лебедь-шипун, гага-гребенушка, погоныш-крошка, кулик-сорока, орёл-карлик, пеночка-теньковка и др.

Естественно, в видовых определениях в первую очередь отражены отличительные признаки близких видов по внешнему облику, окраске, другим морфологическим параметрам (краснозобый, большой, хохлатый, горбоносый, мохноногий, бородатый и т.д.). Эти признаки преобладают в видовых определениях и составляют 65.9% от их общего числа.

К видовым определениям по признакам внешнего облика, на наш взгляд, следует отнести и такие термины, как «обыкновенный», «обыкновенная». Подобные определения встречаются как в научных названиях, так и в названиях птиц на других языках, особенно на испанском, португальском и чешском, реже на английском языке. Как правило, эти определения присваиваются птицам, давшим групповое наименование другим представителям этого рода или семейства (например, обыкновенная овсянка, обыкновенная чечевица). К сожалению, этот принцип нечётко соблюдается в русских названиях птиц.

На втором месте (16%) среди видовых определений в русских названиях птиц следуют данные о географическом распространении видов: египетский, китайский, сибирский, восточный и т.д. Эти определения лучше дают представление о действительных ареалах птиц, чем определения во многих европейских языках. Таких анекдотичных названий, существующих, например, у англичан (богемский свиристель, дартфордская славка, славонийская поганка, мэнский волнорез), в русском языке нет. Эта разница легко объяснима различиями в размерах территорий, на которых преобладает тот или иной язык, особенностями распространения многих видов птиц в Европе и России.

Третье место (12.3%) в русских видовых определениях занимают прилагательные, связанные с биотопической приуроченностью видов: каменный, болотный, тундряной, пустынный, морской и т.д.

Мы считаем положительным фактором почти полное отсутствие в русском языке «именных» названий птиц, относящихся к гнездовой фауне России. Их всего шесть: бэров нырок, бэрдов песочник, овсянки Янковского и Годлевского, конёк Годлевского, дрозд Науманна. Все они – книжные, представляют собой дословный перевод видовых латинских названий. «Именные» названия, столь часто употребляемые, например, англичанами (более 10% всех названий), отдают дань первооткрывателям птиц, но не обеспечивают информативной характеристики видов.

В последние десятилетия в отечественной литературе проведена большая работа по упорядочению русских названий птиц как нашей, так и мировой авифауны (Иванов 1976; Бёме, Флинт 1994; Степанян 2003 и более ранние издания). Большинство отечественных орнитологов сейчас использует в качестве официальных русские названия птиц, приведённые в последних изданиях «Конспекта...» Л.С.Степаняна, хотя, по нашему мнению, не все орнитонимы, принятые в этой работе, можно признать удачными. В изданном недавно «Списке птиц Российской Федерации» (Коблик и др. 2006) проведена ревизия ряда названий русской орнитоники. Основные предложения авторов сводятся к восстановлению приоритета устоявшихся самобытных орнитонимов (чомга, пухляк, ополовник, волчок, князёк и др.); уточнению таксоно-

мического положения ряда видов (снежный воробей, японская кваква); упорядочению применения термина «обыкновенный», дополнению некоторых видовых определений, связанных с внешним обликом и географическим распространением птиц.

Естественно, употребление того или иного русского названия птицы при условии существования нескольких удачных синонимов – вопрос вкуса как составителей каталогов, так и орнитологов, пользующихся этими каталогами и использующих предпочитаемые ими названия в своих работах. Однако остаётся проблема закрепления одного из названий в качестве приоритетного для использования в официальных документах, например, связанных с юридическим охранным статусом вида и т.д. Ведение на постоянной основе официального списка птиц России предполагает и дальнейшую разработку русской орнитоники. Эти задачи осуществляются созданной весной 2006 года Фаунистической комиссией при Мензбировском орнитологическом обществе.

Литература

- Бёме Р.Л., Флинт В.Е. 1994. *Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский-русский-английский-немецкий-французский*. М.: 1-845.
- Иванов А.И. 1976. *Каталог птиц СССР*. Л.: 1-276.
- Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю. 2006. *Список птиц Российской Федерации*. М.: 1-281.
- Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.
- Фридман Ю.С., Коблик Е.А. 2013. О названиях птиц в дословном переводе с европейских языков // *Рус. орнитол. журн.* **22** (853): 573-582.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск **864**: 867-870

Заметка о белуджистанском вороне *Corvus corax laurencei* (Hume, 1873)

Р.Н.Мекленбурцев

*Второе издание. Первая публикация в 1947**

Corvus corax laurencei, описанный Юмом (1873) из Пенджаба, как мелкий подвид обыкновенного ворона, отличающийся кроме размеров некоторыми особенностями окраски, был введён в фауну Средней Азии Г.В.Лоудоном (1911) под именем белуджистанского ворона. Э.Хартерт

* Мекленбурцев Р.Н. 1947. Заметка о белуджистанском вороне (*Corvus corax laurencei* Hume) // *Изв. АН КазССР. Сер. зоол.* **36**, 4: 138-139.

употребляет данное Юмом название и ограничивает распространение этого подвида Северо-Западной Индией, Белуджистаном, Восточным Ираном и Северной Палестиной.

Впоследствии Э.Хартерт, использовав статью Н.А.Северцова «Вертикальное и горизонтальное распространение туркестанских животных» (1872), свёл описанного там *Corvus corax subcorax* в синонимы *C. c. laurencei*, расширив, таким образом, область его распространения до Сырдарьи. Отдавая приоритет Юму, Хартерт основывался на том, что рецензия Дрессера на книгу Н.А.Северцова была напечатана в журнале несколько позднее, чем его же рецензия на книгу Юма. Фактически «Вертикальное и горизонтальное распространение туркестанских животных» вышло несколькими месяцами раньше, чем «Lahor to Jarkand». Г.П.Дементьев, признавая приоритет Н.А.Северцова, приводит указанную птицу под именем *C. c. subcorax*. Под этим именем упоминает её и А.И.Иванов (1940).

Сравнивая размеры *C. c. subcorax* в различных сводках (Хартерт, Дементьев), с размерами, опубликованными в описании Северцова, нельзя не прийти к заключению, что Н.А.Северцов говорит о совершенно другой птице, нежели названные авторы. Приводимые им величины гораздо меньше, чем соответствующие размеры *C. c. laurencei*. С другой стороны, они полностью совпадают с размерами пустынного ворона *C. c. umbrinus* Sundevall, 1838 (у 18 промеренных мной экземпляров из разных мест Средней Азии и Ирана, клюв от 61 до 70 мм).

Как явствует из данных Г.В.Лоудона (1911) и А.И.Иванова (1940), *C. c. laurencei* – горная птица. Экземпляры, послужившие Северцову для описания *C. c. subcorax*, были добыты в пустынных равнинах, прилегающих к Сырдарье, что также указывает на принадлежность этих воронов к *C. c. umbrinus*. Наконец, на эту же форму указывают слова Н.А.Северцова о том, что описываемый им *C. c. subcorax* хорошо отличается от типичного *Corvus corax* своим малым ростом.

Таким образом, белуджистанскому ворону следует вернуть присвоенное Юмом имя *C. c. laurencei* и исключить из области его распространения долину Сырдарьи. Вообще о распространении можно сказать, что в деталях этого вопроса ещё имеется много неясного. В основных сводках ареал приведён схематично и ограничен лишь Закаспийской областью. В сводке А.И.Иванова (1940) по птицам Таджикистана сюда добавлен ещё Западный Таджикистан и Южный Узбекистан. Материал кафедры зоологии позвоночных САГУ (Ташкент) не позволяет уточнить эти данные. Мною были просмотрены следующие птицы (см. таблицу).

Как видно из таблицы, материал из наиболее интересных мест – западных отрогов Гиссарского и Заравшанского хребтов – представлен лишь парой молодых птиц, которые хотя и определяются как *C. c.*

laurencei, не дают уверенности в том, что с возрастом они не увеличились бы до размеров тибетской формы. Таковы же молодые из Нуратау, Ферганы и Туркестанского хребта. Старые вороны из названных мест крупны и их приходится принимать за *C. s. tibetanus* Hodgson, 1849, хотя одна самка имеет слишком короткий для этого подвида клюв (45 мм от ноздри) и все они имеют ясный коричневый оттенок головы, шеи и зоба.

Размеры *Corvus corax* в коллекции Средне-Азиатского университета

Место добычи	Дата	Крыло, мм	Клюв*, мм
Хозрет-баба, Бухара, самец, juv	10 июня 1910	418	77 (47)
Асхабад, самец	20 октября 1920	425	77 (49)
Хатак, Бухара, самец, juv	14 мая 1910	408	76 (44)
Айвег, Фергана, самец, juv	9 июня 1909	442	77 (49)
Хребет Нуратау, кол. Пиязлы, самка, juv	15 июня 1934	422	72 (46)
Хребет Нуратау, кол. Кизилчи, самец	3 мая 1934	464	72 (51)
Алма-Ата	12 января 1899	438	74 (46)
Памир, верховья р. Аличур, самка	29 января 1936	443	70 (44)
Памир, верховья р. Аличур, самка	15 декабря 1936	439	73 (47)
Памир, верховья р. Аличур, самка	29 декабря 1936	433	76 (47)
Туркестанский хребет, Ак-даршан, самка	25 мая 1931	476	72 (45)
Туркестанский хребет, Ак-даршан, самец	25 мая 1931	467	72 (49)
Туркестанский хребет, кол. Гуралаш, самец	7 июля 1944	435	81 (49)
Иран, Феримун, самец	7 августа 1901	433	72 (49)

* Первая цифра — длина клюва от основания, в скобках — от переднего края ноздри.

Крайне своеобразны вороны с Памира (Аличур) и Тянь-Шаня (Алма-Ата), добытые в разгаре зимы. Это по размерам типичные *C. s. laurencei* и имеют лёгкий, но хорошо различимый коричневый оттенок оперения головы, горла и зоба. Трудно высказаться с уверенностью о подвидовой принадлежности этих экземпляров. Несмотря на размеры и особенности окраски, я не решаюсь отнести их к *C. s. laurencei*, т.к. эта форма совершенно не свойственна высоким нагорьям, даже летом. Тем более трудно предположить встречу с ней в этих условиях зимой. Вряд ли возможно допустить, что размеры настоящих представителей формы *C. s. tibetanus* могут быть столь малы. Предположение о том, что указанные птицы представляют собой индивидуальные отклонения *tibetanus* в сторону *laurencei* могло бы иметь место при наличии 1-2 экземпляров, но лишь с очень высокой натяжкой может быть высказано при наличии 4 однотипных особей. Быть может, область Памира и других гор Средней Азии лежит в местности, населённой переходной формой между *C. s. tibetanus* и *C. s. laurencei*. Окончательно решить этот вопрос в настоящее время не представляется возможным и его приходится оставить открытым до накопления большого материала по воронам Средней Азии.

Литература

- Иванов А.И. 1940. *Птицы Таджикистана*. Л.; М: 1-300.
Лоудон Г.В. 1911. Белючистанский ворон в Закаспийской области // *Орнитол. вестн.*, 3/4: 286-288.
Северцов Н.А. 1872. Вертикальное и горизонтальное распространение туркестанских животных // *Изв. Общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии* 8, 2: 1-155.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 864: 870-871

О вóронах Казахстана

М.Н.Корелов

Второе издание. Первая публикация в 1986*

Обыкновенный ворон *Corvus corax* на территории Казахстана представлен в северной лесостепной части и на Алтае номинальной формой *Corvus corax corax* Linnaeus 1758. В равнинном лесостепье Казахстана это лесная и очень редкая птица, на Алтае – высокогорная и более обычная.

В юго-восточной части Казахстана, в горных системах Тянь-Шаня и Джунгарского Алатау обитает более крупный ворон (крыло самцов 430-465, самок 425-454 мм) с хорошо выраженным коричневатым оттенком на голове, мантии и горле. Этот ворон гнездится на скалах низких безлесных отрогов и нижних остепнённых склонов основных хребтов, и также в скалах высокогорий, выше лесного пояса. Обычно принято относить его к форме *C. c. tibetanus* Hidgeon, 1849.

Низкие пустынные хребты Мангышлака, обрывы чинков и впадин Устюрта населяет мелкий ворон с крылом 360-415 мм и без коричневатых оттенков в окраске головы, мантии и горла. Это так называемый белуджистанский ворон, систематическое положение которого не ясно. Многие орнитологи считают его подвидом обыкновенного и именуют его *C. c. laurencei* Hume 1873. Мангышлакская популяция этого вóрона изолирована и, вместе с тем, именно в этом районе наблюдается совмещение ареалов белуджистанского и пустынного вóрона, столь же здесь обычного.

Ближайшие места обитания белуджистанского ворона находятся в Западном Копетдаге. В Казахстане этот ворон гнездится также в Чу-Илийских горах и во время осенних миграций неоднократно добывался

* Корелов М.Н. 1986. О вóронах Казахстана // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 1:315-316.

в «Чокпакских воротах» (стык западных отрогов Таласского хребта и Восточных Каратау).

Таким образом, в Казахстане ворон оказывается представлен тремя подвидами, что подтверждается соответствующими коллекционными экземплярами.

Кроме обыкновенного ворона, в Казахстане широко распространён во всех пустынях, к югу приблизительно от 48° с.ш., пустынный ворон *Corvus ruficollis* Lesson 1831. В Казахстане на зиму этот ворон, как правило, не остаётся, совершая правильные осенние и весенние миграции. Один из его миграционных путей проходит через «Чокпакские ворота». Гнёзда пустынный ворон в Казахстане устраивает на деревьях, преимущественно на саксауле, на опорах воздушных линий связи и в скалах.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 864: 871-873

Новые данные об охотском улите *Tringa guttifer* на северо-востоке Сахалина

А.Ю.Блохин, А.И.Кокорин

Второе издание. Первая публикация в 2000*

В ходе исследований 1988-1991 годов в рамках проекта, связанного с освоением месторождений нефти и газа на шельфе, сделана оценка состояния орнитофауны на северо-востоке Сахалина. Как показали повторные наблюдения в заливе Чайво в июле-августе 1999 года, ситуация с охотским улитом *Tringa guttifer* – одним из наиболее редких куликов Палеарктики – не соответствовала прежним пессимистическим прогнозам.

В июле 1999 года мы отмечали охотских улитов в течение 6 дней, а в августе – 20 дней. С 27 июля по 11 августа наблюдения этих редких куликов были ежедневными. Чаще всего регистрировали одиночных птиц и пары, реже встречали группы из 3-8 особей. Это означает, что по сравнению с 1988-1990 годами произошло заметное увеличение числа встреч охотских улитов. Такая тенденция наметилась ещё в 1991 году (Blokhin 1998).

Места обитания охотских улитов разнообразны и включают песчаные и илистые обнажающиеся в отлив отмели морского пролива Клейе

* Блохин А.Ю., Кокорин А.И. 2000. Новые данные об охотском улите на северо-востоке Сахалина // Информ. материалы Рабочей группы по куликам 13: 40-42.

и залива Чайво, заболоченные низины, сырые луговины, мари, берега лесных рек, ручьёв и окраины посёлка возле реки Вал.

У реки Эвай, где прежде находили их колонии (Нечаев 1991), 17 июля 1999 встречена компактная стайка охотских улитов из 8 птиц. Эти птицы кормились на илистых берегах озёр, улетаая в сторону мест возможного гнездования или возвращаясь оттуда, и при этом проявляя сильное беспокойство (крики, круговые облёты) при появлении наблюдателей. Такое беспокойное и вместе с тем осторожное поведение птиц этой группы могло свидетельствовать о том, что где-то рядом находились выводки. Больше всего встреч с охотскими улитами происходило у базового лагеря в устье ручья на проливе Коейе залива Чайво. Там отмечен ежедневный прилёт охотского улита утром на кормёжку, после чего он улетаал, но спустя какое-то время опять возвращался. Возможно, птица прилетала от выводка и затем возвращалась к нему. Со второй декады августа кулики, прилетавшие на кормёжку в устье ручья, проводили там всё больше времени, иногда весь день и, по-видимому, ночь. Наблюдения с помощью бинокля ночного наблюдения подтвердили предположение об активной кормёжке охотских улитов на ручье в ночные часы.

Судя по поведению, некоторые встречаемые охотские улиты были неполовозрелыми птицами. отчётливое тяготение таких птиц к характерным для вида местообитаниям могло свидетельствовать о настоящем или прошлом существовании гнездовой охотских улитов на заливе Чайво в районе рек Эвай, Аскасай, Вал, Горомай и др. Кроме того, регулярность появления взрослых птиц в одних и тех же кормовых пунктах также указывала на то, что это местные, а не кочующие или пролётные охотские улиты.

Поведение охотских улитов вне указанных мест в корне отличалось. В большинстве случаев эти птицы спокойно реагировали на автотехнику, людей и собак, подпуская на 5-10 м. Охотские улиты – довольно-таки доверчивые, хотя и крикливые кулики. Пронзительными возгласами они отмечали свой прилёт и отлёт, и так же «приветствовали» пролетающих мимо птиц своего вида. В.А.Нечаев (1991) верно сообщал, что охотский и большой *Tringa nebularia* улиты легко различимы по поведению. Когда в стае кормившихся больших улитов оказался охотский, различие между видами было совершенно очевидным: размеренность и неторопливость в движениях при кормёжке сразу выделяли охотского улита в группе куликов. Взаимоотношения охотских улитов бывали как внешне «безразличными», так и агрессивными, когда один кулик активно изгонял других с кормового участка. При появлении опасности охотские улиты в большей степени ориентировались на реакцию чаек, чем других куликов. На кормёжку охотские улиты прилетают только при наличии свободной от воды полосы литорали и строго

следуют расписанию приливов и отливов. Во время приливов они используют другие мелководные угодья, например, озёра, болотца, ручьи. Прилетев на кормёжку, улиты много перемещаются по урезу воды, заходя на глубину до 10-15 см и возвращаясь на берег. Поиск пищи занимает от 5 до 30 мин. За это время птица проходит 100-150 м или многократно перемещается на ограниченном участке длиной 10-40 м в устье ручья. Кормёжка нередко завершается купанием птицы или «сном» на берегу.

Судя по визуальным наблюдениям с близкого расстояния (до 3-5 м) и в результате осмотра мест кормёжки птиц, установлено потребление в пищу охотскими улитами массовых в каждом конкретном месте видов беспозвоночных. Основной пищей в июле и августе им служила рыба: мелкая колюшка и мальки разных видов длиной до 2-3 см. Кроме того, улиты потребляли в пищу насекомых, ракообразных и многощетинковых червей. Время, затрачиваемое на поимку добычи, зависит от обилия корма и (или) сноровки птицы. Так, один улит за 3 мин, пройдя по берегу 30 м, поймал и съел 5 рыбок, сделав при этом по 3-4 броска за каждой из них. Ещё одному охотскому улиту для поимки каждой рыбки требовалось сделать всего по 2-3 броска.

Литература

- Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.
Blokhin A.Yu. 1998. Breeding wader populations on the marine coasts of north-eastern Sakhalin // *Inter. Wader Studies* 10: 221-224.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 864: 873-875

Суточный расход времени у лебедя-шипуна *Cygnus olor* в период насиживания

Т.А.Ильина, А.В.Бардин

Второе издание. Первая публикация в 1986*

Наблюдения за гнездящейся парой лебедей-шипунов *Cygnus olor* велись около посёлка Рыбачий на Куршской косе (Калининградская область) в 1983-1984 годах. Лебеди гнездились на озере площадью 28 га в зарослях рогоза. Оба года кладка (7 и 6 яиц) завершалась в третьей декаде апреля, птенцы вылуплялись в первой пятидневке

* Ильина Т.А., Бардин А.В. 1986. Суточных расход времени у лебедя-шипуна в период насиживания // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 1: 263-264.

июня. Сеансы хронометрирования, стратифицированные по времени суток, равномерно охватывали период с 29 апреля по 31 мая и составили 155 ч, в том числе проведены 2 круглосуточных сеанса.

Распределение затрат времени партнёров на основные формы активности представлено в таблицах: для самки – в разные периоды суток (табл. 1), для самца – в разных зонах территории (табл. 2).

Таблица 1. Затраты времени (мин/ч) на основные формы поведения у самки лебедя-шипуна в период насиживания

Формы поведения	Периоды суток (время летнее, декретное)					
	0-5	5-8	8-11	11-18	18-21	21-24
Сон	0.0	19.1	42.3	22.8	25.8	21.7
Инактивное состояние	57.5	34.6	7.2	15.8	17.0	24.4
Уход за оперением	2.1	4.2	8.5	6.7	11.5	11.1
Гнездостроительная активность	0.0	0.7	1.1	4.9	3.0	1.3
Уход за кладкой	0.4	1.4	0.9	3.8	2.7	1.5
Кормёжка	0.0	0.0	0.0	6.0	0.0	0.0

Таблица 2. Затраты времени (ч/сут) на основные формы поведения у самца лебедя-шипуна в период насиживания в разных зонах участка обитания в светлое время суток

Формы поведения	Расстояние от гнезда, м		
	< 300	300-800	> 1000
Сон	5.13	0.24	0.93
Инактивное состояние	0.70	0.04	0.47
Настороженность	0.19	0.03	0.24
Уход за оперением	1.81	0.28	0.53
Кормёжка	1.64	0.27	1.70
полёт	0.01	0.02	0.07
Плавание	2.49	0.94	0.40
Гнездостроительная активность	0.46	0.00	0.00
Пребывание на гнезде	0.35	0.00	0.00
Всего:	12.79	1.82	4.39

Самка почти всё время проводит в гнезде с кладкой. Сходит с него один раз в сутки между 11 и 18 ч. Кормится в среднем 0.7 ч/сут не далее 100 м от гнезда. Пока самка кормится, самец в это время находится на гнезде или рядом с ним. Время до и после кормёжки самки – период наиболее активного взаимодействия партнёров. Они вместе сидят на гнезде, занимаются его постройкой: самец достаёт и подносит стебли рогоза, самка укладывает их.

Самец выдёргивает рогоз в радиусе 30-40 м вокруг гнезда, однако приносит в него лишь незначительную часть. Остальные вырванные стебли остаются плавать в воде. Ежедневно вырывая в среднем по 240

растений, самец препятствует зарастанию мелководья вокруг гнезда. Кроме того, он проделявает и поддерживает в окружающих гнездо зарослях рогоза «просеки», по которым плавают взрослые, а в последствии и выводок.

Ночью самка бодрствует. Спит она в светлое время суток в среднем 7.8 ч/сут. Самец ночью спит, а днём отдыхает меньше самки. Большую часть дня он находится в пределах видимости гнезда. Кормится дальше от гнезда, чем самка, так что кормовые зоны партнёров мало перекрываются. Около 3.5 ч/сут самец проводит в плавании по озеру. Активно препятствует появлению других лебедей, прогоняет с берегов лисиц *Vulpes vulpes*, енотовидных собак *Nyctereutes procyonoides*, третирует ондатр *Ondatra zibethicus* и водяных полёвок *Arvicola terrestris*. Остальное время (преимущественно вечером) проводит на заливе и в отдалённых частях озера, в период вождения выводка включаемых в кормовой участок семейной группы.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 864: 875-876

Весенние миграции чижа *Spinus spinus* в юго-восточном Приладожье

Н.П.Иовченко, Г.А.Носков

Второе издание. Первая публикация в 1983*

Работа основана на семилетних (1975-1981 годы) материалах отловов птиц рыбачинскими ловушками на стационаре Гумбарицы на юго-восточном берегу Ладожского озера.

В данном районе чиж *Spinus spinus* отмечается на весеннем пролёте ежегодно, но сроки миграций и численность перемещающихся особей варьируют в значительных пределах. В разные годы пролёт может начинаться в марте-апреле и даже в мае. В годы с максимальной численностью мигрантов (1977 и 1981) пролёт начинался в 20-х числах марта, становился массовым во второй половине апреля с пиками 28, 30 апреля, 2, 6, 8, 13, 15 мая. Окончание весенних миграций приходится на конец мая – начало июня.

Среди отловленных особей незначительно преобладают первогодки – 54% особей в возрасте около года (против 46% в возрасте 2 лет и

* Иовченко Н.П., Носков Г.А. 1983. Весенние миграции чижа в юго-восточном Приладожье // Тез докл. 11-й Прибалт. орнитол. конф. Таллин: 100-101.

более); среди самцов соответственно – 56 и 44%, самок – 51 и 49%. Численность самцов в потоке мигрантов, по данным отлова ловушками, выше численности самок (соответственно 60 и 40%).

Большинство особей обоих полов не имеют подкожных жировых запасов, либо они очень незначительные. Запасы подкожного жира, определённые визуально по методике Т.И.Блюменталь и В.Р.Дольника (1962), распределяются следующим образом: «нет» – 62%, «мало» – 32%, «средне» – 6%. Вес чижей с разным уровнем жирности равен, г: для группы птиц, полностью лишённых жировых запасов – 10.4-13.9 (в среднем 11.9); для птиц с баллом «мало» – 11.0-14.0 (12.3); для птиц со средними жировыми резервами – 12.0-14.4 (13.5).

Все самцы, участвующие в миграции, имеют развитые клоакальные выступы. Степень развития клоакальных выступов оценивалась по 4-балльной системе: «нет» – клоака не увеличена, «мало» – клоака увеличенных размеров, но меньше половины максимальных размеров (1/3), «средне» – клоака больше половины, но меньше максимума (2/3), «много» – клоака максимальных размеров (6×7 мм). Среди отловленных самцов особи с размерами клоаки «мало» составили 4%, «средне» – 54%, «много» – 42%.

Большинство перемещающихся самок также физиологически находится в состоянии половой активности. Только 23% самок в это время не имеют никаких признаков начала формирования наседного пятна. Остальные 77% имеют наседные пятна разных стадий развития. Анализ стадий развития наседного пятна по методике Д.С.Люлеевой (1965) показал, что лишь 5% самок имеют первую стадию, то есть готовятся к размножению впервые. Большинство птиц (70%) имеют четвёртую стадию наседного пятна, соответствующую концу первого цикла размножения. Большая часть особей со второй и третьей стадиями наседных пятен (соответственно 22 и 3%) восстанавливают наседные пятна после уже имевшего место размножения, о чём свидетельствует морщинистость и шелушение кожи, не наблюдаемые на этих стадиях развития наседного пятна при его первичном формировании.

Участие в весенних миграциях взрослых особей с морфологическими признаками, свидетельствующими об активном состоянии репродуктивной системы, а также наличие в потоке мигрантов сформированных пар говорит в пользу предположения о смене мест гнездования у чижа в течение одного сезона (Меженный 1963; Паевский 1971).

Молодые птицы текущего сезона размножения в весенних миграциях в юго-восточном Приладожье не участвуют. Они начинают встречаться в отловах только с конца июня.

К характеристике двух циклов размножения белобровика *Turdus iliacus* в южной Карелии

Т.Ю.Хохлова, Л.С.Захарова

Второе издание. Первая публикация в 1983*

Наличие двух циклов размножения у дрозда-белобровика *Turdus iliacus* установлено во многих частях его ареала, включая Заполярье (Нанкинов 1968; Naartman 1969; Tyrvänen 1969; Чемякин 1974; Левин 1980). Наблюдения за 96 индивидуально маркированными птицами показали, что в южной Карелии часть пар также выкармливает два выводка за сезон. Материал собирали в 1964-1982 годах в разных пунктах Карелии. В работе принимали участие В.Б.Зимин, Н.В.Лапшин, А.В.Артемьев, М.В.Яковлева.

Крайние даты появления яиц в гнёздах белобровика в южной Карелии – 3 мая – 17 июля. Общая продолжительность периода кладок – 76 дней с вариациями за 19 лет в 5 пунктах от 46 до 71 дня. Даты откладки первых яиц колеблются в зависимости от характера весенней погоды между 3 и 17 мая. Несмотря на это, около 60% кладок ежегодно начинается до 1 июня. Массовое размножение обычно приходится на первую или вторую декады мая, но в отдельные годы может сдвигаться на конец месяца. Второй пик откладки яиц наблюдается через месяц после первого. Так, распределение кладок (в % от общего числа) по десятидневкам в годы с массовым гнездованием в первой, второй и третьей декадах мая было следующим (см. таблицу). В особенно холодные годы, когда бóльшая часть птиц приступала к размножению только в конце мая, оба пика были выражены слабее, но при этом увеличивалась доля кладок, начатых в июле.

Распределение начала кладок белобровика *Turdus iliacus* по десятидневкам* в годы с массовым размножением в первой (А), второй (Б) и третьей (В) декадах мая.

Год	Число кладок	Май			Июнь			Июль	
		I	II	III	I	II	III	I	II
А	161	33.5	18.0	5.6	16.8	13.1	9.9	3.1	–
Б	405	10.1	37.5	14.6	7.7	15.8	10.4	3.7	0.2
В	164	12.2	18.3	29.3	12.2	9.1	11.0	7.3	–

* – в % от общего числа кладок.

* Хохлова Т.Ю., Захарова Л.С. 1983. К характеристике двух циклов размножения дрозда-белобровика в Южной Карелии // Тез докл. 11-й Прибалт. орнитол. конф. Таллин: 215-218.

Объединение материала за все годы показало, что независимо от смещения сроков массового гнездования относительная величина второго подъёма составляет 40-50% от первого. Вместе с тем, в отдельные годы и при разных обстоятельствах второй пик может как отсутствовать, так и быть значительно бóльшим. Например, в заповеднике Кивач в биотопах, оптимальных для этого вида, из 15 меченых пар, успешно выкормивших первые выводки, 12 (80%) размножались вторично, тогда как из 26 пар, отловленных у гнёзд в пунктах с менее благоприятными условиями – только 11 (42%). В некоторых случаях при большой гибели гнёзд вторые кладки маскировались многочисленными повторными (Педасельгский стационар, 1970 год; Кивач, 1976 год). Погодные же условия, по-видимому, не играют существенной роли, так как в годы с предельно различающимся характером весны (1975, 1978, 1979) второй пик был выражен одинаково хорошо.

У отдельных пар продолжительность первого цикла от появления первого яйца до вылета птенцов составила 24-29 дней ($n = 23$). Вторые кладки у 75% этих птиц были начаты через 26-26 дней после начала первых, спустя 1-13 дней после вылета выводков. У некоторых особей этот промежуток растянулся до 56 дней.

По две кладки имели как впервые размножавшиеся годовалые птицы, так и особи старшего возраста. Причём соотношение этих возрастных групп среди самок, гнездившихся в мае ($n = 37$), оказалось таким же, как и у птиц, имевших по два выводка ($n = 21$) – 1:1.3. Доля же взрослых самцов во втором случае была выше – соответственно 1:3 ($n = 31$) и 1:5.3 ($n = 19$).

Число яиц как в первых, так и во вторых полных кладках – от 4 до 6 (по 21 гнезду), но средняя величина поздних кладок меньше – соответственно 5.10 ± 0.12 и 4.71 ± 0.16 , т.к. только в 12 случаях она осталась прежней, в 8 уменьшилась и лишь в случае – увеличилась.

Большая растянутость периода откладки яиц в годы с ранней весной (более 64 дней), случаи очень позднего начала кладок (12 июля 1981, 17 июля 1964), сравнительно небольшая продолжительность одного гнездового цикла, а также сообщение из южной Финляндии о трёх кладках у одной немеченой пары (Ahola 1970) указывают на возможность выкармливания отдельными особями трёх выводков при благоприятных для этого условиях.

Л и т е р а т у р а

- Левин А.С. 1980. О биологии дрозда-белобровика в долине среднего течения реки Урал // *Изв. АН Каз.ССР. Сер. биол.* 3: 45-49.
- Нанкинов Д.Н. 1968. О вторых кладках у дрозда-белобровика в Ленинградской области // *Вестн. Ленингр. ун-та* 15: 41-46.
- Чемякин Р.Г. 1974. Сроки гнездования воробьиных на Айновых островах // *Материалы 6-й Всесоюз. орнитол. конф.* М., 2: 149-150.

- Ahola J. 1970. Punakylkirastaalla *Turdus iliacus* kolme posyettä Valkeakoskella // *Ornis fenn.* **47**, 1: 40.
- Haartman L., von. 1969. The nesting habits of Finnish birds. I. Passeriformes // *Comment. boil. Soc. Sci. fenn.* **32**: 1-190.
- Tyrvänen H. 1969. The biology of *Turdus iliacus* // *Ann. zool. fenn.* **6**: 1-46.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 864: 879-880

Две цветовые морфы пухового наряда в одном выводке птенцов обыкновенной горлицы *Streptopelia turtur*

А.П.Шаповал

Анатолий Петрович Шаповал. Биологическая станция «Рыбачий», Зоологический институт РАН, посёлок Рыбачий, Калининградская область, 238535, Россия. E-mail: apshap@mail.ru

Поступила в редакцию 20 февраля 2013

Обыкновенная горлица *Streptopelia turtur* имеет строго фиксированную величину полной кладки – 2 яйца. Насиживание длится 13-16, обычно 14 дней (Приклонский 1993). Птенцы рождаются покрытые грубым волосообразным пухом. В литературе имеются противоречивые сведения о цвете пухового наряда у этого вида. В сводке «Птицы Советского Союза» (Мекленбурцев 1951) никакие данные об этом не приводятся. В современной сводке по птицам России говорится, что «гнездовые птенцы покрыты белым пухом, иногда имеющим сероватый оттенок» (Приклонский 1993). В сводке «Птицы Западной Палеарктики» (Cramp 1985) указано, что птенцы покрыты желтовато-коричневым или соломенно-жёлтым пухом. На рисунках птенцов, помещенных в нескольких зарубежных изданиях, отчётливо видно, что их пуховой наряд также имеет желтоватый или бледно-желтоватый оттенок (Harrison 1975; Snow, Perrins 1998).

На западе Полтавской области (Украина) обыкновенная горлица в 1970-1980-е годы была обычным гнездящимся видом полезащитных лесных полос и сырых пойменных ольшаников. В окрестностях села Лазорки Оржицкого района при многолетнем исследовании гнездовой биологии птиц было найдено 49 гнёзд этого вида. В одном из них, найденном 11 июля 1979 в пойменном ольшанике в кусте бузины на высоте 2 м, горлица насиживала полную кладку из 2 яиц. При повторной проверке 24 июля в гнезде один из членов пары обогревал двух птенцов небольшого размера. Привлекло внимание то, что птенцы имели

пуховой наряд разного цвета! Один имел жёлтый пух, второй – белый. Дальнейшая судьба гнезда не была прослежена. Никаких сведений о встречах в одном выводке *S. turtur* двух цветовых морф пухового наряда птенцов в литературе найти не удалось.

Л и т е р а т у р а

- Мекленбурцев Р.Н. 1951. Отряд голуби Colubbae или Columbiformes // *Птицы Советского Союза*. М., 2: 3-70.
- Приклонский С.Г. 1993. Обыкновенная горлица // *Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Согообразные*. Наука. М.: 131-148.
- Harrison C.O.J. 1975. *Jungvögel, Eier und Nester aller Vögel Europas, Nordafrikas und des Mittleren Ostens*. Hamburg; Berlin: 1-435.
- Cramp S. 1985. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa*. Oxford Univ. Press, 4: 1-960.
- Snow D.W., Perrins C.M. 1998. *The birds of the Western Palearctic*. Concise Edition. Oxford Univ. Press, 1: 1-1008.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2013, Том 22, Экспресс-выпуск 864: 880-881

Гнездование огаря *Tadorna ferruginea* и большого крохала *Mergus merganser* на Уйденинском водохранилище (хребет Саур)

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 9 марта 2013

Во время посещения горного водохранилища в ущелье реки Уйдене у северного подножия хребта Саур (47°22' с.ш., 84°47' в.д., 850 м над уровнем моря), в 12 км западнее города Зайсан, 6-7 августа 2013 был проведён учёт водоплавающих птиц на его акватории. Следует отметить, что само водохранилище, расположенное в глубоком каньоне со скальными и глинистыми береговыми обрывами, из-за ремонтных работ на плотине в течение нескольких последних лет находилось в стадии минимального наполнения и имело голые илисто-каменистые берега. По сравнению с прежними годами, водяных птиц на нём оказалось мало, при этом встречались в основном рыбоядные виды, прилетающие сюда на кормёжку с соседнего озера Зайсан. Среди них отмечены большой баклан *Phalacrocorax carbo* (5) черношейная поганка

Podiceps nigricollis (3), озёрная чайка *Larus ridibundus* (2), хохотунья *Larus cachinnans* (1), речная крачка *Sterna hirundo* (2 особи). Особняком держалось скопление из 34 больших поганок *Podiceps cristatus*, представленных взрослыми линяющими особями.

Здесь же отмечена семья из 10 огарей *Tadorna ferruginea* с доросшим лётным молодняком, что позволяет отнести эту утку к числу гнездящихся птиц на Уйденинском водохранилище. Ранее гнездование огарей в Сауре было установлено в ущелье Чаган-Обо и на альпийских озерах в верховьях реки Кызылкия (Долгушин 2002). Известна также июньская встреча территориальной пары в ущелье Айдагарсай в горах Кишкинетау (Березовиков, Левин 2002).

В одном из заливов водохранилища был встречен также выводок из 4 полуоперённых птенцов большого крохали *Mergus merganser* величиной в 2/3 взрослой птицы. Несмотря на то, что этот вид считается гнездящимся по рекам, стекающим с хребта Саур (Долгушин 1960), конкретных данных о его нахождении очень мало. Известна лишь встреча выводка с 8 пуховыми птенцами 6 июля 1963 в ущелье реки Чаган-Обо у впадения в неё Алтын-Казгана (Долгушин 2002), а в мае 2001 и августе 2006 крохалей наблюдали на Уйденинском водохранилище (Березовиков, Левин 2002; Коваленко 2006).

Л и т е р а т у р а

- Березовиков Н.Н., Левин А.С. 2002. Орнитологический очерк Сайкана и Кишкенетау (хр. Саур) // *Selevinia*: 87-92.
- Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 1: 1-470.
- Долгушин И.А. 2002. Материалы к авифауне Саура, Манрака и Чиликтинской долины // *Selevinia*: 61-72.
- Коваленко А.В. 2006. Орнитологические наблюдения в Сауре и его предгорьях в августе 2006 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2006: 77-83.

